

ЕВА АДАМОВА

Твой, без отчества.

18+

Ева Адамова Твой, без отчества.

<https://litres.ru/74664359>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о девушке, талантливой, но затюканной сироте, которая в одиночку растит младшую сестру, спасаясь от жестокости тёти-опекуна. Её жизнь — это постоянная борьба и страх.

Всё меняется, когда она попадает на практику к властному и пугающему владельцу огромной компании. Между ними вспыхивает искра, но она убеждена, что он для неё недостижим: он богат, влиятелен, а она — «серая мышка» с клеймом сироты.

Ева Адамова

Твой, без отчества.

Я пришла домой совершенно разбитой. Всё, что я так долго строила, всё, что далось мне невероятным трудом — бессонные ночи, три недели хронического недосыпа — всё полетело к чертям. Мои усилия остались незамеченными.

Меня просто обокрали, выдав мой труд за общий результат работы отдела маркетинга. Этот отчёт сделала я одна, но меня даже не упомянули. А значит, премии мне не видать. Все соберут лавры, а я оказалась за бортом.

Только переступив порог квартиры, я дала волю слезам и просто захлёбывалась ими. Завтра у нас общее собрание, и точно будет разнос от руководства. Теперь я попаду под горячую руку как несостоятельный и непродуктивный сотрудник. Места в этой фирме мне больше не будет.

— Что опять? Тебя уволили? Так и знала, что ничего из тебя не выйдет! — зло бросила тётя Лена.

— Меня не уволили. Просто устала, — я не собиралась с ней ничем делиться. Я прекрасно знаю, что она только и ждёт моего провала, наслаждаясь моими неудачами. Не хочу давать ей лишний повод поливать меня грязью.

— Устала? Это я устала! Устала всё тащить на себе. Тебя и твою сестру. Скажи спасибо своей матери, что она бросила вас на меня, а сама свалила проживать свою лучшую жизнь,

испортив мою. Давай вставай и готовь ужин, у меня сегодня планы на вечер, — закричала она и вышла, громко хлопнув дверью.

Мне двадцать один год, а моей сестрёнке Милане — тринадцать. Папа умер до её рождения, а мама едва не потеряла её из-за собственных переживаний и долго лежала в больнице. При отце у нас был свой бизнес, и мы жили очень хорошо. Но после его смерти многие пытались присвоить компанию себе. Мама боролась до последнего: были суды, угрозы, но она не сдавалась. А спустя три года просто пропала. Ушла на какую-то встречу и не вернулась.

Год мы прожили с бабушкой, а потом и она умерла — очень тосковала по дочери. Я уверена, что мамы нет в живых. Бабушка тоже так думала, просто не говорила мне этого, берегла, а сама плакала по ночам. После маминой пропажи всё, за что она судилась, перешло к другим людям.

У нас осталась большая трёхкомнатная квартира, которую купил папа, когда начал получать первую прибыль. Это было его гордостью, я помню, как радовалась мама, когда мы переезжали. Мне тогда было пять или шесть лет. После смерти бабушки опеку над нами взяла мамина родная сестра и переехала к нам вместе со своим мужем, который был младше её на десять лет. До пропажи мамы я даже не знала о её существовании — почему-то мне о ней никогда не говорили. Тётя Лена появилась только тогда, когда бабушку увезли в больницу с инфарктом, который она не пережила. Она при-

ехала сразу, а через пару дней подтянулся и её муж.

Я оказалась в аду. Она ненавидела нас, но любила деньги, которыми могла распоряжаться. Уже через год у нас с сестрой не осталось ничего. Они шиковали за наш счёт, купили машину и коттедж, записав всё на себя. Тётя забрала мамины украшения, а их было очень много — папа безумно любил маму и баловал её, говорил, что она королева, а королевы должны сверкать. Как же мне их не хватает... А моя сестрёнка была лишена обоих родителей и маму совсем не помнит.

— Ненавижу тебя... — тихо сказала я, когда дверь с грохотом закрылась.

Скоро придёт Милана, она ходит в художественную студию. У неё явный талант — так рисовать в её возрасте может только одарённый человек, и я всячески помогаю ей его развивать. Я плачу немалые деньги за её уроки, поэтому мне просто необходима работа с хорошей зарплатой.

Сейчас у меня началась практика, и мне помогли устроиться в крупную и престижную фирму. Я была на седьмом небе от счастья. Мне нужно в ней задержаться, потому что есть шанс остаться там после практики, но с одним условием: я должна их полностью устроить. Мне жизненно необходимо перестать зависеть от тёти Лены и её мужа. Я стараюсь во всём разбираться самостоятельно, и у меня отлично получается. И вот я составила важный отчёт, который должны были делать другие, сделала его в одиночку, без чьей-либо помощи. Я была уверена, что после этого смогу зарекомен-

довать себя и получить место.

— Ты ещё не приступила? Живо за работу, королева недоделанная! — открыв дверь, рявкнула тётя.

Я не могу ей возразить. Если что-то пойдёт не так, Милану заберут в детский дом, потому что у меня пока нет работы, только практика. До диплома осталось два месяца. Если я не смогу закрепиться в фирме своей мечты, то найду другую, пусть и менее оплачиваемую. Главное — доучиться. А после этого я с огромным удовольствием выставлю тётю и её бестолкового увальня-мужа, который ни дня в своей жизни не работал, сидит дома и скоро в дверь не пролезет. Никакого имущества мне уже не вернуть — всё наследство с сестрой перешло к тёте, — но квартира наша, и прав на неё у них нет.

— Карин, я дома! — крикнула из коридора сестрёнка.

— Отлично, переодевайся и иди ужинать.

— А этих нет? — подойдя, шёпотом спросила Милана. Она вообще не обращается к ним по имени, не заговаривает первой, а лишь отвечает, если спросят.

— Нет. Поужинаем вдвоём, — улыбнулась я.

— Кайф! — сказала она и поцеловала меня в щёку. — Как же они меня бесят.

— Меня тоже. Просто нам нужно набраться терпения и подождать. Осталось совсем немного, и я смогу оформить опеку на себя.

— Потерпим. Её муженёк сегодня выпрашивал у неё деньги. Я всё слышала! Знаешь, на что?

— На что? — это было привычным делом: он постоянно клянчил у неё деньги, а сам не работал, просто просиживая диван. Я даже не знаю, зачем он ей. Просто отвратительный, расплывшийся мужик, который нередко воняет потом. Он моложе её — может, всё дело в этом? А она сама с лишним весом и не очень приятной внешностью. Они совсем не похожи на мою красивую маму.

— На новую машину!

— И что она ему ответила?

— Что подумает. Подумает! Прикинь? Интересно, откуда она вообще возьмёт деньги?

— Мне тоже интересно, — задумчиво ответила я. — Кроме нашей квартиры, с нас она больше ничего взять не сможет, а квартиру я ей не отдам.

— Я так хочу позвать своих подружек в гости. Я ведь бываю у них, а к себе не могу пригласить из-за этих.

— Я знаю. Потерпи ещё немножко, — успокоила я её.

— Я даже не верю, что мы когда-нибудь сможем жить вдвоём, без них. Кажется, что это просто нереально.

— Реально. Верь мне. Скоро у нас начнётся другая жизнь. Я обещаю.

— Я верю. Спасибо тебе большое за всё. Если бы не ты, не знаю, как бы я смогла с ними жить, — моя сестрёнка всегда благодарит меня за всё. Она — моя главная поддержка, только ради неё я не опускаю руки. У нас есть только мы вдвоём, больше никто и никогда нам не поможет.

После ужина мы разошлись по своим комнатам. Я ещё немного поплакала о своей горькой участи и уснула.

Собираясь на работу, я тряслась от переживаний. Я могу отстоять себя. Могу рассказать, что всё это сделала я одна, но тогда у меня будут проблемы с коллегами, я стану изгоем. Наплевать на это? Да. Я буду бороться ради моей сестрёнки.

С таким настроем я приехала в офис. Как и ожидалось, нас собрали в большом конференц-зале. Я заняла место в самом последнем ряду, почти у двери, вжалась в кресло, чтобы стать невидимкой.

Нашего босса, Марка Алексеевича, я видела всего несколько раз, и он пугал меня до дрожи. Это не был страх перед начальством — это был животный трепет перед хищником. Высокий, под метр девяносто, с широкими плечами, которые не скрывал даже идеально скроенный тёмно-серый костюм. Он не шёл, а двигался — плавно, стремительно и абсолютно бесшумно, как пантера в джунглях. У него были густые тёмные волосы. Но главное — его лицо. Резкое, будто высеченное из камня, а глаза... Тёмные, почти чёрные, они смотрели не просто в глаза собеседнику, а куда-то глубже, сканируя, вскрывая черепную коробку и читая мысли.

От него исходили осязаемые волны власти и непоколебимости. Он точно рождён править людьми, рождён лидером — безжалостным, властным и абсолютно уверенным в своём праве на это. Именно это чувство он вызвал у меня в нашу первую встречу, когда я пришла устраиваться на практику.

Он сидел в своём панорамном кабинете, залитом солнцем, и даже не поднял головы от бумаг, когда я вошла. Но я кожей почувствовала, что комната изменилась, стала теснее. Красивый, мощный и статный мужчина, ему за тридцать, но владельцем этой компании он стал более десяти лет назад. Не каждый сможет так развить малый бизнес и превратить его в нечто огромное, масштабное и такое прибыльное. А он смог! Значит, этот человек идёт напролом, не знает слова «невозможно» и ничего не боится.

Спустя пару минут, как все собрались, пришёл и он. В конференц-зале мгновенно повисла мёртвая тишина, было слышно только гудение ламп. Он прошёл мимо меня, и меня обдало просто потрясающим парфюмом — что-то терпкое, древесное, с густыми нотками дорогого табака и, кажется, цитрусом. А может, он курил перед тем, как зайти, не знаю. Опьяняющий, совершенно мужской запах, от которого у меня на секунду закружилась голова.

Он поднялся на невысокий подиум, обвел тяжёлым взглядом притихший зал, достал из внутреннего кармана пиджака распечатку моего отчёта и положил её на кафедру.

— Добрый день, коллеги, — начал он. Голос у него такой же потрясающий, как и он сам: глубокий, спокойный, с лёгкой, бархатной хрипотцой. В нём не было крика, но этот ровный тон пробирал до костей. — Я изучил отчёт за квартал. Он мне не понравился.

Моё сердце рухнуло куда-то в желудок. Неужели я допу-

стила ошибки? Хотелось встать и убежать, слиться со стеной.

— Доход упал на десять процентов, а это много. Я проанализировал всё и пришёл к выводу, что некоторые сотрудники сильно расслабились. Я никогда не обделял вас зарплатой, и премии вы получаете регулярно. Ежегодно ваши доходы индексируются. В чём проблема, я не пойму? Устали от должности? Так я никого не держу. Я ни разу не задерживал ваши зарплаты и всячески поощряю ваши труды. И дело не в том, что наши продажи упали из-за ненадобности товара или конкуренции. Дело в том, что кому-то просто лень этим заниматься.

Он говорил много и по делу, не повышал голоса, но каждое слово било наотмашь. Он не ругался, а просто говорил факты, объяснял суть проблем и пути их решения. Но он преподносил это так, что хотелось слушать его и подчиняться.

— Спасибо отделу маркетинга за такой точный отчёт, а в особенности Ольге Александровне, руководителю отдела, — за анализ ошибок, слабых мест и способы их решения.

Все из моего отдела заулыбались, особенно эта Ольга. Гадина, которая украла у меня мой отчёт и просто выдала его за свою работу.

— Спасибо, Марк Алексеевич, я очень старалась ничего не упустить, ведь я знаю свою работу и люблю её, — расплылась в улыбке эта стерва.

— Я ценю это и поощряю хорошую работу. Сегодня я бу-

ду вызывать к себе тех, кто был слабым звеном, и говорить с каждым отдельно. Спасибо за внимание, — сказал он и пошёл на выход. Проходя мимо меня, он на секунду замедлил шаг. Он не смотрел на меня, просто скользнул по моему лицу своим чёрным, тяжёлым взглядом, от которого захотелось сжаться, спрятаться под стол и никогда не вылезать.

— Стой, — остановила меня Ольга, когда все стали покидать конференц-зал.

Я замерла, сделав всё возможное, чтобы сохранить внешнее спокойствие.

— Если ты что-то скажешь Марку про отчёт, я сделаю так, что твои последние недели на этом месте станут невыносимыми. А если промолчишь, то я и тебе выбью премию. Работать здесь ты всё равно не сможешь, не принимает тебя коллектив. Мы все уже давно вместе работаем, и новенькие нам не нужны. — она положила руку мне на плечо и сжала. Было такое чувство, что на меня легла ледяная, скользкая змея. Я дёрнула плечом и скинула её ладонь.

— Я скажу как есть. — не знаю, откуда у меня взялась эта смелость противостоять ей.

— Только попробуй, и я сделаю так, что тебя уже завтра здесь не будет, — прошипела она и быстрым шагом удалилась.

Я пришла на своё рабочее место чуть позже остальных и, сев в кресло за рабочим столом, поняла: что-то не так. Встала и провела ладонью по креслу. Кресло было чем-то облитое.

Посмотрев на пальцы, я увидела, что это похоже на чернила. Обернувшись на приглушённые смешки, я встретила взглядом со всем отделом... На мне были любимые серые брюки, и я даже боюсь представить весь масштаб урона.

Стало так обидно, что я еле сдержала слёзы.

— Конченный урод — тот, кто это сделал. — глухо бросила я, выходя из кабинета.

Нужно было оценить масштаб катастрофы. Я почти бегом бросилась в сторону туалета, но не дошла. Слёзы, которые я сдерживала из последних сил, пока шла по коридору, всё-таки хлынули. Я вжалась спиной в стену, закрыла лицо ладонями и замерла, пытаюсь подавить рвущиеся наружу рыдания. Только не здесь. Если я сейчас разревусь в голос, я просто умру от стыда. Дыши. Нужно просто дышать.

— Что случилось? — раздался голос, который ни с кем не спутать.

Я резко отняла руки от лица и подняла голову. Марк Алексеевич стоял прямо передо мной, скрестив руки на груди, и внимательно, не моргая, смотрел на меня. Господи, почему именно он? Почему из всех людей в этом здании меня поймал именно он? Сейчас он увидит мои красные, как у кролика, глаза, распухший нос и решит, что я просто истеричка, не способная держать удар.

Что мне ему сказать? Правду?

— Кто-то вылил чернила... или что-то похожее... на моё кресло, а я села, — всхлипывая, выдавила я. Звучит жалко.

Как в детском саду.

— Кто? — его голос прозвучал не как вопрос, а как удар хлыста. Тихо, но с такой сталью, что у меня по позвоночнику пробежал холод.

— Не знаю. Я пришла после собрания, села, а там уже всё было.

— Уверен, что это просто какая-то ошибка, — уверенно, но как-то слишком быстро сказал он. — Все взрослые люди, чтобы творить такую дичь. Наверное, просто случайно пролили что-то.

— Они все смотрели на меня и посмеивались, — не отступала я, чувствуя, как от обиды снова перехватывает горло.

— Разберёмся. Идём, — он коротко кивнул и подтолкнул меня к лифту. Его ладонь легла мне между лопаток — тяжёлая, горячая, не оставляющая пространства для отказа.

Я даже не спросила, куда он меня ведёт. Просто молча пошла следом, глотая слёзы — теперь уже не только от обиды, но и от липкого, животного страха. Куда он меня тащит? К себе в кабинет? Зачем? Уволить лично? В голове стоял гул, мысли сбились в плотный, горячий ком.

— Снимайте брюки, — его ровный голос вывел меня из своеобразного мысленного ступора.

— Что? — переспросила я, не уверенная, что правильно расслышала. Я ослышалась? Мой мозг сейчас просто отказывается воспринимать слова.

— Брюки. Снимайте их. Отдадим в химчистку, через

несколько часов их привезут обратно.

— Они у меня одни. То есть... под ними ничего нет.

— Я в курсе, что именно так их и носят. Снимайте.

— Я останусь в одних трусах, — ошарашенно прошептала я. Это какой-то сюрреализм. Мой босс, самый влиятельный мужчина в компании, стоит и велит мне раздеться. Я сейчас провалюсь сквозь дорогой пол.

— Я дам вам плед. Посидите пока так.

Я неловко потянулась к пуговице под его пристальным, немигающим взглядом, но так и не решилась снять их при нём.

— А можно мне плед? — тихо попросила я.

— Ах, да, — усмехнулся он уголком губ и открыл не приметную дверь в стене своего кабинета.

Он вернулся через секунду, протягивая мне плотную шерстяную ткань. Я обернулась в плед, стянула брюки и, когда он подошёл ближе, протянула их ему. Мои пальцы дрожат так сильно, что я боюсь выронить ткань. Только бы он не заметил, как меня трясет.

— Садитесь здесь, — он указал на кожаное кресло.

Марк Алексеевич вышел, а я осталась стоять, судорожно осматривая себя. Так, соберись. Ты уже взрослая. Ну подумаешь, ты в кабинете гендиректора, завернутая в плед. Бывает. Конечно, трусы тоже были испачканы, как и кожа. Кто-то не поленился и вылил на сиденье целую банку чернил. Когда босс вернулся, я всё ещё стояла, боясь сесть и испачкать

его плед.

— А у вас есть влажные салфетки? — щёки обожгло румянцем. — Боюсь испачкать ваш плед или кресло. — я сейчас похожа на пятилетнюю девочку, которая описалась в гостях. Какое дно.

— Повернитесь.

Я послушно развернулась. Он резко, без предупреждения дёрнул плед вниз, оголив мой зад. Я даже пикнуть не успела от шока. Холодный воздух ударил по коже. Это происходит не со мной. Это просто очень странный сон. Сейчас я проснусь в своей кровати, и выяснится, что я проспала работу.

— Нижнее бельё нужно тоже снять. Оно насквозь пропитано, не вытрешь, — абсолютно буднично, как о погоде, констатировал он.

Я медленно повернулась к нему. В глазах, наверное, стоял такой ужас, что он едва заметно вздохнул.

— У меня есть душ. Сходите туда и приведите себя в порядок, остальное я всё устрою, — он указал рукой на ту самую дверь, из которой недавно вышел.

Я направилась туда, судорожно кутаясь в плед. Ноги ватные. Я иду по кабинету генерального директора, прикрываясь его пледом. Если кто-то сейчас войдет... Я же сгорю заживо. Прямо здесь, на этом самом месте. Только я могла попасть в такое положение. Неудачница. Как только дверь душевой закрылась, я сползла по холодной плитке и снова раз-

рыдалась — на этот раз от невыносимого стыда, обиды и унижения. Он видел меня. Мой босс видел меня практически голой. Хуже уже просто некуда. Я не смогу смотреть ему в глаза.

Я быстро умылась ледяной водой, пытаюсь прийти в себя. Хотелось провалиться сквозь кафельную плитку. Выходи. Он и так сделал для тебя больше, чем кто-либо. Не заставляй его ждать. Надо выходить.

— Садитесь в кресло, — Марк Алексеевич уже сидел за своим столом.

Я опустилась в кресло, судорожно стягивая плед на коленях. Ткань подо мной казалась ледяной.

— Хочу узнать всё с самого начала, — он откинулся на спинку, сложив пальцы домиком. Его взгляд стал тяжелым, изучающим, словно он препарировал меня под микроскопом. — Как вы думаете, кто мог это сделать?

— Я не знаю. Честно, не знаю. Но каждый из них мог.

— Насколько я знаю, всё это время вы работали без нареканий, жалоб на вас не поступало. Что могло произойти такого, что над вами так... м-м... пошутили? — он намеренно сделал паузу, подбирая слово, и это «пошутили» прозвучало как издевательство.

— Это не шутка, — тихо сказала я, чувствуя, как снова предательски щиплет в носу. — Это унижение и издевательство. — почему я оправдываюсь? Почему мне так стыдно перед ним, будто это я испортила своё кресло?

— Что могло спровоцировать всё это? — он подался вперед, упираясь локтями в стол. Расстояние между нами сократилось. — Говорите, Карина. Я не люблю тратить время на загадки.

Мне нужно решиться. Решиться и всё рассказать. Будь что будет. Хуже он ко мне уже не отнесется, ниже падать некуда. Пусть знает, с какими шакалами я работаю. Пусть увольняет к черту, но я не буду молчать.

— Отчёт, — мой голос сорвался на шёпот. — Это я его делала. От и до. Я одна. А меня даже не упомянули, выдав за работу Ольги.

— Отчёт, — задумчиво повторил он. Его глаза опасно сузились, а в глубине зрачков мелькнул холодный, расчётливый блеск. Он не просто слушал. Он собирал на кого-то досье. И этот «кто-то» сейчас был в серьезной опасности.

— Да. Ольга сказала мне, что после собрания я должна молчать о том, что отчёт сделала я. Пригрозила, что сделает мои последние недели практики невыносимыми, а если я всё-таки скажу... то завтра меня здесь уже не будет.

Всё. Я это сделала. Назад дороги нет. Не знаю, что теперь меня ждёт. Возможно, я только что собственными руками разрушила всё, что с таким трудом построила...

— Я думал о том, что это не она составила отчёт. Но не думал, что это вы.

— Почему вы так думали? — вырвалось у меня.

— Таких отчётов за все шесть лет у меня ещё не было. У вас талант. Всё было идеально и по делу. Сказать по-честному, я ждал, что она признается, что ей кто-то помогал, но она промолчала. Я хочу предложить вам должность начальника отдела маркетинга. После окончания вашей учёбы, конечно. Начальник должен быть на рабочем месте ежедневно, а вы пока учитесь два раза в неделю. Какой будет ваш ответ? — он внимательно смотрел на меня, не моргая.

От такого предложения сердце застучало где-то в горле. Неужели всё это правда? Это не розыгрыш?

— Я бы очень этого хотела, — тихо ответила я.

— Ну вот и отлично.

— А как же Ольга? — удивилась я.

— А это уже я решу.

— Как мне работать дальше? Не думаю, что всё это было разовой акцией.

— С этим я тоже сам разберусь. Виновные будут наказаны и уволены. Если что-то подобное ещё раз произойдёт, поменяю весь отдел. Незаменимых сотрудников у нас нет, — просто ответил он.

— Спасибо, что помогли мне с этим, — я неловко указала на плед. Если бы не он, я даже не представляю, что бы делала, как бы выпуталась из этого унижительного положения.

— Я несу ответственность за каждого сотрудника. Теперь мне бы хотелось поговорить с вами о вашем предложении по улучшению работы.

Так прошло несколько часов. Чувство неловкости никуда не исчезало, мне всё так же хотелось провалиться сквозь землю, сгорая от стыда. Я оказалась в таком дурацком и унижительном положении перед своим боссом. Перед красивым мужчиной, в конце концов.

— Сейчас приду, — сказал он и вышел из кабинета. Я смогла немного выдохнуть и расслабить сведённые плечи.

Спустя пару минут он вошёл обратно, неся в руках бумажный пакет.

— Это ваше, Карина, — протянул пакет мне.

— Спасибо большое. Я даже не знаю, как могу отблагодарить вас.

— Я знаю. Мне нужен внегласный помощник. Мои глаза и уши.

— Хотите, чтобы я шпионила за всеми?

— Нет, не шпионила, — усмехнулся он. — Просто смотреть обстановку. Кто и как работает в вашем отделе, что говорят.

— У меня не сложились отношения с ними. Меня не приняли в коллектив, вряд ли я буду вам полезна.

— Даже так. Не знал, — задумчиво протянул он. — Но всё же вы сможете наблюдать. Что-то мне подсказывает, что кто-то работает на два фронта. И, кажется, он не один такой.

— Как это? — я немного не поняла, о чём он.

— На конкурентов, — коротко пояснил он.

— А-а-а... — до меня наконец дошло. — Я поняла. А кто?

— Вот это я и хочу узнать. Поможете мне?

— Конечно. Только как?

— Просто слушайте. Смотрите. Наблюдайте за реакциями людей на мои решения, на новые вводные. Я тоже буду проверять каждого. Будьте моими глазами, Карина.

На этом мы и договорились. Он отпустил меня домой, сказав, что на сегодня я отработала. Я пошла одеваться и, достав из пакета брюки, увидела на самом дне ещё и трусики. Такие красивые, нежно-розовые, с тонким кружевом. Краска снова бросилась к моим щекам. Он же всё видел. Он знает, что они испорчены. Он купил мне бельё. Какой нормальный мужчина вообще станет покупать девушке трусы? Только Марк Алексеевич. Потому что для него это просто часть ответственности: решить проблему сотрудника.

Я ехала в лифте и всё никак не могла перестать думать о Марке. Его запах — терпкий, с нотами дорогого табака — преследовал меня, обволакивая со всех сторон, а глубокий голос с лёгкой хрипотцой так и звучал в голове, заставляя кожу покрываться мурашками. «Снимайте брюки», «Повернитесь», «Я дам вам плед»...

Я, кажется, влюбилась...

Стоп.

Соберись, Карина. Какая влюблённость? Очнись.

Ты сейчас едешь в квартиру, где тебя ждёт стервозная тётка и её кроткий муженёк с куриным мозгом, а ты мечтаешь о боссе? Это просто шок. Эффект спасителя. Он вытащил

тебя из грязи, из унижительной ситуации, дал чистые вещи и поддержку. Ты просто принимаешь обычную человеческую помощь за что-то большее.

Тебе двадцать один год, ты измотана до предела, ты слаба, и любой, кто проявил к тебе каплю участия и силы, кажется принцем на белом коне. Это просто благодарность, помноженная на страх. Ничего больше.

Но он никогда не обратит на меня своего внимания. Таким мужчинам, как он, не нужны такие серые мышки, как я.

Я для него — не женщина. Я — сломанный механизм, который он починил из чувства долга. Проект. Обязанность. Он смотрел на меня сегодня как на деталь, которая вышла из строя и которую нужно срочно заменить или сдать в ремонт. Да, он был пугающе заботлив, но в этом не было ни капли личного интереса. Только холодный, отстранённый контроль владельца за своим имуществом.

А самое главное — он женат.

И его жена выглядит так, словно только что сошла с обложки глянцевого журнала: идеальная, стильная, ледяная. Я видела её рядом с ним. Рядом с таким мужчиной, как Марк, может быть только женщина его уровня — уверенная, с безупречной родословной, которая знает все правила этой игры.

А я? Я — девчонка с комплексами, с ворохом проблем, с чернилами на коже. Я не вписываюсь в его мир даже в качестве пыли под его дорогими ботинками.

От этого холодного, отрезвляющего осознания к горлу

подступил тугой, болезненный ком. Я уже давно столько не плакала, как за эти два дня. Возможно, даже никогда.

— А, это ты, — Артём, муж тёти Лены, вывалился в коридор, как только я открыла дверь. На нём были только спущенные на бёдра трусы.

— Что-то ты рано сегодня.

— Короткий день, — ответила я. Я бы вообще не стала с ним разговаривать, но любой лишний звук может спровоцировать новый конфликт с тётей, а мне это сейчас совсем не нужно.

Он смотрел на меня. От его липкого, раздевающего взгляда хотелось помыться с хлоркой. Это не первый раз, когда он так пялится — мерзко, скользко, не скрывая своих намерений. Он уже не раз намекал мне на «особую» близость, и от этого осознания к горлу подступала тошнота.

— Не хочешь посмотреть со мной кинцо? — он вальяжно прислонился к косяку, облизывая губы. — Я могу включить что-то особенное, с перчинкой.

— Нет. У меня много дел, — я старалась, чтобы мой голос звучал ровно.

— Отложи. Удели мне своё время, а я уделю тебе своё, — я поняла, на что он опять намекает. Фу. Мерзавец.

— А твоя жена одобрит это? — я вскинула бровь, глядя ему прямо в глаза.

— А жена не узнает.

— Узнает, — отрезала я, и моё терпение лопнуло. — Ещё

одно такое предложение, и она узнает всё.

Я не стала дожидаться его ответа. Развернулась и быстро зашла в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь.

— Что бы ты ни сказала, проблемы будут у тебя, а не у меня, — донеслось из коридора с его мерзкой ухмылкой.

— Я обязательно скажу. И придумаю что-нибудь в придачу, — бросила я в закрытую дверь и для надёжности повернула замок.

— Сука! — глухо донеслось из коридора.

Следующие два дня прошли относительно спокойно. Марка я больше не видела. Но после того происшествия мне заменили кресло. Теперь оно у меня одно такое во всём отделе — белое. Испортить его уже не получится: любая капля будет видна сразу. Мне кажется, они все поняли, что я пожаловалась, потому что теперь я нахожусь в полном, звенящем игноре. Никто не подходит, не спрашивает про отчёты и не просит что-то сделать, даже кофе в общей кухне наливают, демонстративно поворачиваясь ко мне спиной. Пусть так. Главное, чтобы не трогали.

— Каринка, знаешь что? — радостно влетела ко мне в комнату Милана. Её щёки горели, а глаза сияли так, что в полумраке комнаты казалось, будто в них включили лампочки.

— Что? — я невольно улыбнулась ей в ответ, заражаясь этой энергией.

— Мои две картины будут выставляться на выставке в Питере! Как юное дарование. Представляешь? Сразу две!

— Ты у меня просто умница! — я крепко обняла взволнованную сестрёнку. — Я всегда знала, что ты талантливая. Я верю в тебя, моя хорошая, и никогда не перестану верить.

Родная моя девочка. Мне её особенно жалко, ведь она даже родителей не знала. Сиротка моя, впрочем, как и я, хотя мне всё-таки повезло больше — я их хорошо помню и успела пожить с ними немного, пока папа не умер, а мама не пропала...

— Возможно, я выиграю денежный приз. Сто тысяч рублей! Представляешь? — она отстранилась и начала взволнованно ходить по комнате, заламывая пальцы.

— Представляю, — рассмеялась я, глядя на её суету.

— Или не выиграю.

— Самое главное — не расстраиваться из-за этого. Сам факт того, что твои работы взяли на выставку — это уже огромный прорыв, — я старалась говорить как можно мягче. Я очень боюсь, что Миланка расстроится, если её картина не займёт призовое место. Она вообще очень болезненно переносит поражение, даже если проигрывает в настольной игре или просто какой-то спор. — Не каждый выигрывает, нужно на это тоже настроиться.

— Я знаю. Но мне бы очень хотелось, — она на секунду сникла, но тут же снова встрепенулась.

— Мне тоже. А давай завтра куда-нибудь сходим? Отметим такое событие!

— Давай! А куда?

— А куда ты хочешь?

— А давай в ту классную пиццерию? — предложила она, а я уже знала, что именно это она и выберет. Мы были там всего пару раз, но ей запали в душу их фирменная пицца и уютная атмосфера.

— Давай, — рассмеялась я.

У Миланы завтра нет занятий в студии, только школа, а у меня — только институт, и всё. Значит, сможем провести много времени только вдвоём, никуда не торопясь. Нам это нужно. Нам обоим нужно выдохнуть.

Марк

Как-то всё навалилось разом. Кажется, в жизни началась глухая, беспросветная чёрная полоса. Брак давно развалился — мы с Аллой просто жили вместе по инерции, как вежливые соседи в коммунальной квартире, как друзья которые снимали одно жильё на двоих. Никакой любви не было и в помине. Я взял её в жёны только из-за беременности, которая, к нашему обоюдному, наверное, облегчению, прервалась на третьем месяце. Ребёнка не стало, а жена никуда не делась.

Переживал ли я из-за потери? Нет. Я был совсем не готов становиться отцом, да ещё и от нелюбимой женщины. Да и уверен, что особой любви ко мне Алла тоже не питала. Мы продержались вместе шесть лет. Последние два года мы даже

не лезли в личную жизнь друг друга: у меня были женщины на стороне, у неё — мужчины.

И вот сейчас нам предстоит развод. Делить нам, по сути, нечего. Всё, что у меня есть, я заработал сам, строил с нуля. Была у меня такая мечта — своё собственное дело и я её осуществил. Я отдам Алле свою вторую квартиру просто в знак признательности. Она была рядом в самый тяжёлый период моей жизни, не бросила, поддерживала, и я буду вечно благодарен ей за это. Так же помогу и деньгами, если она попросит. А квартира ей точно не помешает, ведь у неё самой за душой ничего нет.

Именно Алла помогла мне пережить смерть моей родной сестры. Совсем молодая девчонка, глупо погибла в аварии, которая произошла по её вине — просто запаниковала за рулём и не справилась с управлением. Наши родители были безутешны, и Алла вытаскила их. Она жила с ними два месяца, следила за их состоянием, буквально не давала им развалиться на части. Из статуса жены она как-то незаметно перешла в статус самого верного друга. Хотя на людях мы по-прежнему старались держаться вместе, изображая счастливую пару.

А потом Алла встретила свою настоящую любовь. Я хорошо знаю её избранника — это Женя, мы сотрудничаем с его организацией. Отличный мужик, закоренелый холостяк. Был им, пока не встретил мою жену. Я искренне рад за Аллу, что она нашла того, кто по-настоящему её любит и ценит.

Развод уже запущен, осталось совсем немного, и мы станем свободными людьми. Я — точно. Алла собирается замуж, но решила немного подождать с оглаской, чтобы избежать пересудов. Женя поначалу сильно переживал, что буквально «уводит» жену у меня из под носа, не верил, что мы давно спим в разных комнатах. Но две недели назад мы наконец-то встретились все втроём и поговорили. В тот же вечер Алла собрала вещи и переехала к нему, а мы подали заявление. Почему не сделали этого раньше? Чёрт его знает. Видимо, просто ни у кого до этого не доходили руки.

На фоне этих событий я запросил у отдела маркетинга отчёт, потому что нутром чуял: у нас что-то пошло не так.

Когда документ лёг мне на стол, я сильно удивился. Ольга составила его в каком-то новом, невероятно детальном формате, расписав всё по пунктам и предложив конкретные способы решения проблем. Это точно не её рук дело. Раньше от неё приходила просто сухая статистика по расходам и доходам, а тут — целая аналитическая схема. Я ждал, что она представит мне автора, но Ольга промолчала. Я решил, что она либо реально во всём разобралась, либо наконец-то захотела повышения и так сильно постаралась.

Какого же было моё удивление, когда я узнал, что этот отчёт составила какая-то девчонка-практикантка. Я даже не знал, что у меня в отделе маркетинга водятся такие таланты.

И мне стало по-настоящему мерзко, когда я понял, как с ней поступили взрослые, казалось бы, люди. Даже интерес-

но стало: кто додумался до таких детских, подлых приколов? Разлить чернила на кресло. Это отвратительно. Так обидеть и унижить человека... Совсем молоденькую девушку, которая, по сути, в одиночку проделала за них всю работу...

Девчонка, видимо, просто не справилась с таким стрессом. Я шёл к Ольге, хотел вызвать её к себе и обсудить отчёт, а встретил в коридоре плачущую девочку. Я сначала даже не понял, что именно увидел, и прошёл бы мимо, если бы не тихий, сдавленный всхлип.

Так жалко мне её стало. Хотелось просто обнять, прижать к себе, чтобы успокоить, но субординацию никто не отменял. Я — генеральный директор, она — моя практикантка. Если я сейчас дам слабину, перестану быть хищником, которым они меня считают. Я должен держать дистанцию.

Карина. Я вообще не беру никого на практику, это лишняя головная боль, но Алла попросила взять ученицу своей подруги, сказав, что у девочки настоящий талант. И ведь не обманула. Черт, да она сделала работу целого отдела, а её за это попытались смешать с грязью.

Когда я сказал Карине снимать брюки, то просто не смог оторвать от неё взгляд. Это было наваждение. Она стояла такая маленькая, дрожащая, в этом огромном кабинете, и в её глазах плескался такой первобытный ужас... Я даже не сразу понял, что залип, и, кажется, сильно её этим смутил. Что ты творишь, Марк? Она сейчас решит, что ты маньяк. Ей и так плохо, а ты пялишься. Быстро сунул ей плед, взял брюки

и почти бегом пошёл к секретарю, чтобы сбежать от этого неловкого электричества в воздухе.

— Вера, можешь организовать химчистку? Только чтобы всё было максимально быстро, — обратился я к своему секретарю.

— Конечно, — она взяла у меня брюки Карины, развернула их и нахмурилась. — Что это? Краска?

— Похоже на чернила. Узнать бы, кто это всё устроил.

— Я постараюсь. Это из-за этого она плакала? — спросила Вера.

— Да. Девочка молодая, конечно, её выбило из колеи. И кресло ещё нужно заказать новое. Только белое. Чтобы этим тварям было сложнее гадить исподтишка.

— Детский сад какой-то, — фыркнула она. — Но я всё равно узнаю, кто это сделал. Ты же уволишь этого человека?

— Да. Будет всем хорошим уроком.

Вера — моя одноклассница. Мы подружились с ней с первого дня учёбы в университете, а потом я притащил её к себе в компанию. Она очень комфортный человек. Я ценю её за то, что она идеально разделяет работу и нашу дружбу, никогда не позволяя одному мешать другому.

Вернувшись в кабинет, Карина попросила у меня влажные салфетки, а я зачем-то — сам не знаю, какого чёрта — сдёрнул с неё плед. Просто подошёл и дёрнул вниз, оголив её попу. Боже, какая кожа... Сам не знаю для чего я это сделал. Мне вообще не свойственно такое импульсивное, по-

что мальчишеское поведение. Я просто хотел проверить масштаб катастрофы? Нет. Я просто хотел ещё раз её увидеть. Всю. Без этой дурацкой шерстяной брони. Это было чистое, неконтролируемое желание, и оно меня самого напугало до чертиков.

Лёжа в своей кровати, я почему-то снова стал думать о Карине. Прекрати. Она на много лет тебя младше. Она — твоя подчиненная. Ты для неё — функция, босс, который сегодня проявил милосердие. Но мозг отказывался слушать. Я вспоминал всё до мельчайших подробностей. Её попку в трусиках, перепачканных чернилами. Розовые, розовые трусики. Её испуганное личико, как сильно она была растеряна и унижена. Её тихий, срывающийся голос. Цвет её глаз — насыщенный, изумрудный.

Мне было безумно интересно обсуждать с ней её идеи и предложения. И ведь она не просто так всё это говорила — она реально разбиралась в процессах. Она не заискивала, не пыталась мне понравиться, она просто знала. В ней есть сталь, которую не сломали ни чернила, ни Ольга. Она красивая, я не мог не признать это. Но и слишком молодая для меня, совсем ещё девчонка, студентка. Мне нужно выкинуть её из головы, она не для меня. Она для какого-нибудь ровесника.

Следующие дни я старался не встречаться с ней и не думать о ней. Но выходило у меня очень плохо — она крепко засела в моих мыслях. Я ловил себя на том, что ищу её

взглядом в коридоре.

Две недели я её вообще не видел.

Алла пришла ко мне под конец рабочего дня.

— Марк! Поздравляю тебя! Теперь ты официально свободный человек! — смеясь, сказала она, демонстрируя мне свидетельство о расторжении брака.

— Я тебя тоже поздравляю. Теперь ничего не помешает тебе выйти замуж.

— О, да! Только придётся подождать, а то скажут, что я прыгаю от мужика к мужику. Не хочу таких слухов.

— А тебе не всё ли равно?

— Нет. Я же девушка, лишние слухи меня совсем не украсят. Отметим? Женька заказал столик в ресторане. Я, в общем-то, за тобой и приехала.

— Почему бы и не отметить? Я готов.

Алла привычно взяла меня под руку, и мы направились на выход. Уже возле лифта мы столкнулись с ней. С Мариной.

Моё сердце пропустило удар. По телу прокатилась горячая, совершенно неуместная волна жара. Чёрт. Только не сейчас. Только не при Алле. Она улыбнулась нам. Карина была безумно красивой в этот момент — я впервые увидел её улыбку, открытую и застенчивую. Она не смотрела на меня как на босса, она смотрела просто как на человека. Поздоровавшись, она пошла мимо по коридору. А я ещё долго стоял в холле, провожая её взглядом. Она пахнет какими-то фруктовыми, но ужасно приятными духами. Она пахнет юностью.

— Кто это? — тихо спросила Алла, почувствовав, как окаменела моя рука.

— Карина, — так же тихо ответил я.

Я туго соображал, но всё же взял себя в руки, с ужасом понимая, что только что вёл себя совершенно неправильно. Алла смотрела на меня с любопытством, а я чувствовал себя школьником, которого застукали за подглядыванием. Она всё видит. Алла знает меня много лет, она видит, как изменилось моё лицо. Господи, я только что официально развёлся, я стою с бывшей женой, которая собирается замуж, а я думаю о том, какие у моей практикантки длинные ресницы и как она пахнет.

Нужно было срочно спасать положение.

— Это практикантка, помнишь? — я постарался придать голосу привычную стальную уверенность. — Ты сама просила за неё. Умная девушка, всё как ты и говорила. — быстро исправился я, переводя всё в плоскость рабочих связей.

— А-а-а... ну понятно, — с облегчением протянула Алла, теряя к Карине всякий интерес. — Красивая девушка. Идём?

Карина

С нашей последней встречи с Марком — именно так я зову его в своей голове, без отчества, словно он уже мой, — прошло достаточно времени. Я ежеминутно думаю о нём. В моих фантазиях мы с ним вместе, мы пара и живём тоже вместе. Я понимаю, что всё это очень глупо и точно нереально,

но не могу перестать мечтать. Я даже много раз представляла нас в постели: как он нежно берёт меня, его властные, но такие ласковые руки, наши поцелуи... Они совсем не похожи на те, которые у меня были. Да и были ли? По-настоящему — нет, только в подростковом возрасте. Как вспомню всё это, так радуюсь тому, что не отдалась тогда Пашке, моему единственному парню. Просто испугалась. А через пару месяцев я узнала, что Пашка — обокрал кого-то и его ждал суд. Хорошо, что мы с ним расстались. А расстались мы именно из-за того, что я отказала ему в сексе; он тогда сильно разозлился и всячески оскорблял меня.

Я долго выбирала наряд, меняя варианты. Сегодня я иду к Марку. Хотелось выглядеть очень красиво, ведь рядом с такой мужчиной по-другому никак — нужно соответствовать.

Я направлялась к нему в кабинет, потому что мы договорились обсудить мой план по улучшению работы отдела. Но уже на подходе, в коридоре, я увидела его. Он стоял там с женой.

Весь мой настрой, вся моя утренняя решимость мгновенно улетучились, словно их и не было. Что я творю? Я лезу в его семью. Я пытаюсь впечатлить женатого мужчину, своего босса. Где я, а где его жена? Осознание всего происходящего отозвалось в груди не просто разочарованием, а физической, ноющей болью.

— Добрый день, — выдавив из себя улыбку, поздоровалась я с ними. Я старалась вести себя естественно, боясь вы-

дать свою влюблённость малейшим движением.

— Добрый день, — услышала я в ответ его спокойный голос.

Я прошла мимо, делая вид, что оказалась здесь совершенно случайно, а не шла целенаправленно к нему. Я не оборачивалась. Просто шла неизвестно куда по коридору, и только когда услышала позади звук закрывающихся дверей лифта, развернулась и быстро пошла обратно к приёмной.

— Добрый день, — поздоровалась я с его секретарём, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Я принесла документы для Марка Алексеевича, но видела, что он уже уходил. Могу я оставить их вам, чтобы он смог ознакомиться с ними завтра?

— Да, конечно, — улыбнулась она. — Я положу их ему на стол утром.

Поблагодарив её, я пошла обратно к нам в отдел, чувствуя, как горят щёки от стыда и разочарования.

Как перестать думать о нём? И почему я так сильно расстроилась, увидев его с женой? Непонятно, на что я вообще рассчитывала. Так и не дойдя до своего отдела, я просто подошла к окну и стала всматриваться в тёмную даль. Просто-я у стекла долгое время, я всё же пошла в наш кабинет — наверное, там уже никого нет, все ушли по домам.

Подходя к двери, я услышала спор. По голосам я поняла, что это вроде бы Надежда и Сергей. Его голос я точно не спутаю — неприятный, немного писклявый. Они маркетологи.

Не знаю почему, но я остановилась и затаила дыхание.

— Она требует свою долю, — нервно сказал Сергей.

— В этом месяце она в пролёте. Не справилась, — это голос точно принадлежит Надежде.

— Знаешь, что? Пора, наверное, уже заканчивать и валить отсюда. Что-то мне подсказывает, что под нас копают.

— Не неси ерунды. Или ты струсил?

— Не струсил, просто жопой чую, что проблемы где-то рядом.

— Мы ещё ничего толком не сделали, работы вагон. Если хочешь заработать на хорошую жизнь, то хватит ныть, как баба.

— Заткнись, — прикрикнул Сергей и резко дёрнул дверь на себя, чуть не ударив меня ею.

Ничего мне не сказав, он быстрым шагом пошёл к лифту. А за ним так же быстро выскочила и Надежда.

Я была ошеломлена услышанным. Очень похоже на то, что это именно они — те, про кого говорил Марк. Что это они работают на конкурентов. И судя по всему, есть ещё один человек, женского пола. Мне нужно будет проследить за ними, пока не буду ничего говорить Марку.

Я тоже собралась и пошла домой.

Всю дорогу до дома я думала о том, что слышала. Сергей и Надежда — предатели. Кто же третий? Ольга?

Сегодня Миланка останется у своей подружки с ночёвкой, она живёт далеко от нас, они познакомились в художествен-

ной студии, не в школе. Как же мне хочется, чтобы она тоже могла пригласить ответным визитом своих девчонок. Но я точно знаю, что в скором времени это произойдёт. Я устрою им настоящий праздник.

Когда я вошла в квартиру, она встретила меня тишиной. Неужели я буду дома одна? Но не успев насладиться мнимым спокойствием, из комнаты вышел Артём. Снова в трусах. С нашего последнего разговора, когда он звал меня «смотреть кино», он просто не даёт мне прохода. Достал. Ничего не сказал, а просто прошёл мимо меня на кухню. Теперь придётся ждать, пока он свалит оттуда, чтобы можно было поужинать. Я решила быстренько сходить в душ, а к тому времени уже и тётя Лена придёт и приструнит своего обожаемого муженька.

Переодевшись, я пошла в ванну. Стоя под тёплыми струями, я смывала с себя остатки этого дня: встречу с женой Марка и подслушанный разговор Сергея и Надежды. Не хочу сегодня думать ни о ком из них, устрою сегодня отдых своему мозгу. Я уже смывала с себя гель для душа и шампунь, как меня кто-то схватил. От неожиданности я вскрикнула и открыла глаза, которые сразу же сильно защипало от попавшей в них пены.

— Ну что ты. Не бойся, я сейчас тебя сам помою. Я же вижу, как ты смотришь на меня, просто Ленку боишься. Она не узнает, — жарко выдохнул Артём, крепко прижав меня к холодной плитке стены.

Кроме паники я испытывала сильное, почти тошнотворное отвращение к его обрюзгшему телу. Он больно сжал мою грудь своей ладонью, а второй рукой попытался пролезть мне между ног, которые я инстинктивно сжала так, что свело мышцы.

— Пошёл вон! Отвали от меня! — наконец-то отреагировала я, пытаюсь оттолкнуть его.

— Мы дома одни. Лена будет позже, время у нас достаточно.

— Отвали от меня! — я кричала и извивалась в его руках, уже хотела ногами разнести душевую кабинку, лишь бы он отпустил.

— Ты дура?! — завопил он, когда я с силой ударила его пяткой по голени.

Только после этого он разжал руки.

— Больная совсем? Ты что творишь, идиотка! Сама облизываешься на меня всё время, а теперь недотрогу включила?

— Ты больной? Ты мне противен! Вали отсюда!

— Ну сука! Получишь своё! — прошипел он сквозь зубы, пятясь к выходу, и наконец-то вышел, громко хлопнув дверью.

Я быстро ещё раз нанесла гель и смыла с себя все его прикосновения. Мерзкий урод. Когда я вышла из ванны, он уже был в своей комнате. Аппетит куда-то пропал, и я ушла к себе, закрыв дверь на щеколду. Я ни разу не давала ему повода думать, что он мне нравится, придурок. Как же всё это

омерзительно, нужно скорее забыть это всё.

Позвонила Милане и узнала, всё ли у неё хорошо. Судя по смеху девчонок на заднем плане, я поняла, что у них всё отлично.

Я легла в кровать и включила телевизор — так можно отвлечься от всех моих мыслей. Что-то сегодня какой-то дурацкий день. Или наоборот, он открыл мне глаза на всё происходящее. Марк женат. Артём — похотливый урод. Ну и я нашла тех, кто работает на два фронта. Есть и свои плюсы. Но прежде чем обвинять их в чём-то, мне нужно убедиться, что это именно они, чтобы не быть душой в глазах Марка. Возможно, они говорили о чём-то другом, может, они вообще пара и обсуждали свои личные проблемы. Хотя по их диалогу было понятно именно то, что я и предполагаю.

Спустя пару часов пришла тётя Лена, и только тогда я смогла выйти из комнаты, чтобы перекусить. Я решила для себя: если он ещё раз ко мне полезет, я всё ей расскажу, и плевать мне на её реакцию. Такого я терпеть больше не буду.

На следующий день я стала более внимательно слушать все разговоры и следить за поведением Надежды и Сергея. Но они вели себя как обычно, ничего подозрительного больше не делали и не говорили.

— Тебя вызывает Марк Алексеевич к себе, — проходя мимо моего стола, бросила Ольга. Сердце тут же забилось чаще, пропуская удары.

Я сильно нервничала, пока шла к нему по коридору. Я

очень боялась того, что выдам себя, что он поймёт, как сильно нравится мне, и каким-то образом узнает мои фантазии о нём, которые его сильно разозлят. Бред, конечно, но мне именно так и казалось.

— Здравствуйте, — собравшись с духом, произнесла я.

— Здравствуйте, Карина. Проходите, садитесь.

Я шла на негнущихся ногах до его стола, так сильно переживала, и только сев в кресло напротив него, я получила хоть какое-то облегчение.

— Я разобрал все ваши предложения, которые мы обсуждали. Очень хорошая работа. Вы постарались очень хорошо, на отлично.

— Спасибо.

— Это вам спасибо за проделанную работу. А теперь хочу спросить: вам удалось что-нибудь услышать? Скажем так, что-то необычного?

— Я думаю, что да. Но пока я не хочу ни в чём обвинять людей, пока точно не пойму, что это именно то, о чём мы с вами говорили. Боюсь оклеветать кого-то.

— Хорошо. Но всё равно спасибо. Вас больше никто не пытается обидеть или как-то задеть?

— Нет, — меня просто вообще перестали замечать, просто игнорируют, но про это я не буду говорить, а то буду выглядеть совсем жалкой.

— Вам осталось чуть больше месяца до получения диплома. Моё предложение занять место начальника маркетинго-

вого отдела в силе. Вы идеально подходите на эту должность.

— Я не пользуюсь авторитетом, вы сами это знаете и видели. Боюсь, что ничего из этого не получится, — честно призналась я.

— На счёт этого не стоит переживать. Если человек держится за свою работу, он продолжит работать и под вашим руководством, а если кто-то не согласен, то его всегда можно заменить, — твёрдо сказал он.

Он протянул мне какую-то папку. Я взяла её и в недоумении посмотрела на него.

— Это все отчёты за последние два года. Это то, что доступно единицам. Хочу, чтобы вы посмотрели их. Там ещё обязанности, которые будут на вас. Всё это поможет быстрее во всём разобраться. Я уверен, что у вас всё получится.

— Хорошо. Спасибо за доверие.

Когда я вышла из его кабинета, ноги едва держали меня, а в ушах стоял глухой звон. Мне стало по-настоящему страшно. До дрожи в коленях. Он смотрел на меня с такой абсолютной, пугающей уверенностью, словно я — уже готовый, состоявшийся руководитель, а не девчонка, которая вчера плакала из-за чернил. А я в этом совсем не уверена... Эта тяжёлая папка с документами буквально жгла мне руки сквозь бумагу. Казалось, если я её уроню, случится что-то непоправимое.

Мысли о Марке вернулись, нахлынули с новой, почти болезненной силой, стоило мне остаться одной в коридоре. Ка-

кой же он красивый. Почти всех мужчин очень красит деловой костюм — он придаёт им статус, — но на Марке любая одежда сидела бы как влитая, превращая его в ожившую статую. Широкие плечи, узкие бедра, эта властная осанка... Но Марк... Марк выглядел бы великолепно даже в холщовом мешке. Я уверена в этом. Его красота — не глянцевая, не журнальная, а первобытная, хищная. От неё подгибаются колени и хочется одновременно спрятаться и подойти ближе.

Рабочий день закончился полчаса назад. Когда я уже собиралась уходить, дверь в кабинет открылась с мягким щелчком. Решив, что это кто-то из сотрудников вернулся забыв что-то, я даже не стала оборачиваться, сосредоточенно копаясь в сумке в поисках ключей.

— Вы ещё не ушли? — раздался голос Марка Алексеевича прямо за спиной.

Я вздрогнула так сильно, что ключи выпали из рук и звякнули о плитку.

— С-собираюсь уже уходить, — пролепетала я, наклоняясь за ними. Пальцы предательски дрожали.

Он стоял в дверях, заполняя собой весь проём. В полумраке пустого офиса он казался ещё массивнее.

— Хочу пригласить вас на ужин, — его голос звучал ровно, но от этого становилось только страшнее. — Мне необходимо обсудить с вами ещё кое-что, но уже в неформальной обстановке.

— Да, конечно, — сердце тут же затрепетало от этого

предложения, пропуская удары и переходя в какой-то рваный ритм.

Он дождался, пока я судорожно сгребу вещи со стола, и мы направились на выход. Было очень неловко идти с ним так близко по пустеющему коридору. Его энергетика просто сшибала с ног, заставляя меня спотыкаться на ровном месте. Я чувствовала тепло, исходящее от его тела, и запах того самого терпкого парфюма. Хотелось вжаться в стену, чтобы пропустить его вперёд, но я заставляла себя идти рядом, стараясь попадать в такт его широким шагам.

Дойдя до его машины — массивного чёрного внедорожника, — он открыл передо мной дверь. Мне стоило огромного, почти титанического труда сесть в салон как можно грациознее. Ноги просто одеревенели от волнения, став непослушными. Я садилась, как столетняя старуха, боясь показать бельё если платье поползёт вверх.

Пока мы ехали, я смотрела в окно, но не видела огней вечерней Москвы. Мысли металась в голове испуганными птицами. Что подумает его жена, если увидит нас вместе? Или если кто-то из офиса заметит, как генеральный директор подвозит практикантку? Будет страшный, унижительный скандал. Я бы точно так же его устроила, будь я на её месте. Разорвала бы обоих. А может, это у них в порядке вещей? У таких крупных бизнесменов. Свободные отношения, фиктивные браки по контракту... Что за бред у меня в голове?

Как я и думала, мы приехали в дорогой ресторан в центре

города. Стекло, тёмное дерево, приглушённый свет. Одета я вполне прилично, поэтому мне не придётся краснеть за свой внешний вид. Как же мне повезло, что именно сегодня я решила надеть то самое платье-футляр глубокого изумрудного цвета и туфли на каблуке — мы с ним вполне гармонично смотрелись на фоне этого шика. Он — тёмная, опасная бездна, я — яркий всполох в этой темноте.

Марк галантно открыл тяжёлую дубовую дверь, пропуская меня вперёд. В нос ударил аромат дорогой обстановки, стейков и чего-то неуловимо цветочного.

— Добрый вечер, Марк Алексеевич, — тут же подскочил к нам администратор, кланяясь. — Ваш столик готов.

Нас провели через весь зал. Я шла под прицелом десятков любопытных глаз — ещё бы, такая пара — и чувствовала, как горят мои щёки. Марк же двигался абсолютно невозмутимо, словно не замечая всеобщего внимания, и лишь его ладонь на моей пояснице, направляющая меня, была тяжёлой и горячей даже сквозь тонкую ткань платья.

Нас проводили к столику у окна, откуда открывался завораживающий вид на ночной город. Мягкий свет бра падал на белоснежную скатерть, бросая причудливые тени. Марк отодвинул для меня стул, и я опустилась на самый краешек сиденья, напряжённая как струна. Тяжёлая папка, которую я всё ещё сжимала в руках, казалась сейчас спасательным кругом — чем-то материальным, за что можно было ухватиться в этом нереальном вечере.

Официант подошёл неслышно, положив перед нами кожаные меню. Я смотрела на строчки с названиями блюд, но буквы плыли перед глазами. Мой желудок завязался в тугую, болезненный узел, и я физически не смогла бы проглотить ни кусочка, даже если бы мне предложили любимую пиццу Миланки.

— Здесь отличная кухня, — его голос, глубокий, с той самой бархатной хрипотцой, прозвучал совсем рядом, заставив меня вздрогнуть. — Позвольте мне сделать заказ за вас? Я знаю, что выбрать.

— Да, конечно, — слишком быстро и слишком громко ответила я. Щёки тут же опалило румянцем. Господи, Карина, ты ведёшь себя как дурочка. Соberись.

Марк сделал заказ, даже не заглядывая в меню, и официант, поклонившись, удалился. Мы остались одни. Тишина, повисшая между нами, стала густой, осязаемой, её, казалось, можно было резать ножом. Я чувствовала на себе его взгляд, но боялась поднять глаза. Мне казалось, что если я посмотрю на него, он увидит всё: и мои фантазии, и то, как сильно бьётся моё сердце, и то, что я вообще не понимаю, что делаю за одним столом с владельцем корпорации.

— Карина, — он чуть подался вперёд, опираясь локтями на стол. — Посмотрите на меня.

Я заставила себя поднять голову. В полумраке его глаза казались почти чёрными, бездонными. Он смотрел не как начальник на подчинённую. В его взгляде было что-то изуча-

ющее, тёплое, от чего внизу живота разлился обжигающий, совершенно незнакомый мне жар.

— Вы напряжены, — мягко произнёс он. — Расслабьтесь. Это просто ужин. Я не кусаюсь.

От его тихого, низкого смеха по моей спине пробежали мурашки. Просто ужин. Да. Конечно. Именно поэтому у меня дрожат пальцы так, что я не могу даже салфетку нормально взять.

— Простите, — я сцепила руки в замок на коленях под столом, чтобы он не видел, как они трясутся. — Я просто... не привыкла к такому. К ресторанам, к... ко всему этому.

— Я заметил, — он не издевался, в его голосе слышалась лишь какая-то бережная, покровительственная нежность. — Вы сегодня прекрасно выглядите, кстати. Это платье вам очень идёт.

От комплимента меня бросило в жар, а потом в ледяной холод. Платье. Он смотрит на моё платье. А я смотрю на его губы. На то, как двигается его кадык, когда он говорит. Если бы его жена видела нас сейчас... Мысль об Алле ледяным душем отрезвила меня. Я лезу в его семью. Я пытаюсь впечатлить женатого мужчину. Где я, а где он?

— Спасибо, — выдавила я, снова опуская взгляд на свои колени.

— В вас есть сталь. Я это понял ещё тогда, в коридоре, когда вы не побоялись сказать про Ольгу, ведь она угрожала вам.

— Я просто сказала правду... — начала я, но он снова перебил.

— Многие знают правду, но боятся её озвучить. Вы — нет. И это подкупает.

Официант начал подавать закуски. Я смотрела на красиво разложенные листья салата, на капли бальзамического крема, но аппетит, который, казалось, пропал навсегда, так и не вернулся. Я чувствовала себя актрисой в чужом кино. Вот сейчас выключат свет, скажут «Снято», и я снова окажусь в своей квартире с тётей Леной.

— Попробуйте, — Марк кивнул на мою тарелку. — Это действительно вкусно.

Я взяла вилку. Пальцы всё ещё дрожали, и металл тихо звякнул о фарфор. Я отрезала крошечный кусочек, положила в рот, но не почувствовала вкуса. Ничего. Только то, как он смотрит на меня, пока я жую. Это было самое пристальное, самое интимное внимание в моей жизни. Казалось, он видит меня насквозь — каждую мысль, каждый страх.

— О чём вы думаете сейчас? — вдруг спросил он, наклонив голову. — У вас такое лицо... Будто вы решаете в уме сложнейшую математическую задачу.

Я поперхнулась воздухом и закашлялась. Он тут же пододвинул мне бокал с водой.

— Я... — я сделала глоток, пытаясь унять дрожь в голосе. — Я думаю о том, что это всё неправильно. Мы... вы мой босс. Вы женаты. — совсем запуталась я. — Я не должна

здесь находиться. Это всё... это всё закончится плохо. Ваша жена этого не одобрит. Я бы не одобрила. Это всё неправильно.

Марк долго молчал, медленно вращая в длинных пальцах ножку своего бокала.

— Брак — это просто запись в реестре, Карина. Бумага. А то, что между людьми — это химия. Либо она есть, либо её нет. У нас её не было.

Его прямога оглушила. Воздух в зале вдруг стал густым и тяжёлым, стало нечем дышать.

— Я... мне нужно в уборную, — резко поднялась я, чуть не опрокинув стул.

— Конечно, — спокойно кивнул он. — Прямо по коридору налево.

Я шла на ватных ногах, чувствуя, как горит лицо. В зеркале дамской комнаты на меня смотрела бледная, растрёпанная девушка с безумными глазами. Что ты творишь? Очнись. Я плеснула в лицо ледяной водой, пытаюсь смыть это наваждение, этот запах его парфюма, который, казалось, пропитал меня насквозь. Но это не помогало. Я хотела его. До дрожи в коленях, до боли в груди. И от этого осознания становилось ещё страшнее.

Я вернулась за столик и, опустившись на стул, заставила себя сделать глубокий вдох. Хватит. Возьми себя в руки, Карина. Ты ведёшь себя как истеричка. Я сжала колени под столом, пытаюсь унять предательскую дрожь.

Нужно успокоиться. Ведь он не давал ровным счётом ни единого повода думать о том, что заинтересован во мне как в женщине. Это я сама себе всё надумала, насмотрелась романтических фильмов. Он же сам, предельно чётко, сказал, что хотел обсудить рабочие вопросы в неформальной обстановке. Просто бизнес. Просто ужин с талантливой сотрудницей.

— Всё нормально? — его голос прозвучал совсем рядом. Он смотрел на меня с лёгким, едва заметным беспокойством.

— Да. Всё хорошо, — слишком быстро и слишком бодро ответила я, заставляя себя выдавить улыбку. — Просто немного душно здесь.

— Вам нужно выпить немного вина, оно поможет вам расслабиться. Позвольте?

Не дожидаясь ответа, он потянулся к моему бокалу. Его пальцы — длинные, сильные, с ухоженными ногтями — оказались в опасной близости от моих. Он наполнил мой бокал до половины тёмно-рубиновой жидкостью.

— Попробуйте, — мягко настоял он. — Это действительно хорошее вино.

Я послушно взяла бокал. Я сделала крошечный глоток. Терпкая, бархатная прохлада прокатилась по горлу, немного обжигая, но алкоголь не принёс облегчения. Наоборот — голова закружилась лишь сильнее, а по телу разлилось приятное, но пугающее тепло. Он просто пытается меня расслабить, чтобы я лучше соображала. Не фантазирую.

Я бросила быстрый взгляд на его руку и не увидела на нём обручального кольца. Но я совсем не помню, носил ли он его раньше? И это тоже мне ничего не даёт, возможно он просто не хотел носить кольца. Зачем я вообще что-то рассматриваю.

Марк

Сам не знаю, для чего я позвал её в ресторан. В тот момент я вообще перестал себя контролировать. Это было чистое, первобытное безумие, помноженное на стресс последних дней. Я просто вышел из кабинета, ноги сами понесли меня по коридору, и вот я уже стою на пороге отдела маркетинга.

Внутри кто-то был, и я на секунду испугался, что Карина уже ушла, а я наткнулся на кого-то из сотрудников. Но нет — открыв дверь, я увидел именно её.

Слова вырвались сами, минуя мозг: что-то про «неформальную обстановку» и «обсуждение моментов». Какие именно моменты? Я в своей голове даже не придумал. Всё, что мне было нужно по работе, я уже выяснил. Я просто физически не мог отпустить её сейчас.

Я хотел чувствовать, как воздух между нами сгущается и начинает искрить. Это было похоже на ломку. Мне физически необходимо было оказаться с ней рядом, в пространстве, где нет никого лишнего.

Всю дорогу до ресторана мы провели в плотной, звенящей тишине, которая, казалось, вот-вот оглушит меня. Я сидел, вцепившись обеими руками в руль, и смотрел только вперёд, на дорогу, чувствуя её присутствие на пассажирском сиденье каждой клеткой кожи. Я не знал, как себя вести. О чём говорить с девушкой, которая не пытается мне ни угодить, ни продать свои услуги, ни затащить в постель ради карьеры. Это было впервые в жизни. Я, Марк Алексеевич, человек, который подписывает миллиардные контракты, ломает конкурентов, чувствовал себя тринадцатилетним, прыщавым мальчишкой. Внутри всё переворачивалось. Я буквально пускал слюни на понравившуюся девочку и совершенно не понимал, как с ней заговорить, чтобы не показаться идиотом. Мой мозг, обычно работающий как швейцарские часы, выдавал только белый шум.

В какой-то момент я попытался включить привычный режим «хозяина жизни». «Соберись, тряпка. Сделай морду кирпичом, — орал я на себя мысленно. — У тебя преимущество. Ты босс, начальник, безжалостный хищник. Она — практикантка. Она должна трепетать. Веди себя соответственно». Я даже расправил плечи, пытаясь задавить её своей энергетикой. Но это работало из рук вон плохо. Мой внутренний «хищник» почему-то отказывался показывать клыки. Ему хотелось лечь у её ног и позволить себя гладить. Ему просто нравилось на неё смотреть.

В ресторана, когда услужливый официант, наконец, оста-

вил нас одних, я смог немного сбросить это оцепенение и выдохнуть. Тяжесть в груди чуть ослабла. Я позволил себе рассмотреть её внимательнее, и от увиденного меня пробил холодный пот раскаяния. Я понял, что Карина тоже слишком сильно нервничала. Это была не просто зажатость. Это был страх. Слишком прямая, деревянная спина, словно она проглотила лом. Пальцы, которыми она судорожно, до побелевших костяшек, вцепилась в колени, чтобы они не тряслись. Она смотрела в кожаное меню, но её зрачки бегали по строчкам, не складываясь в слова. Она была в панике. Она переживала на счёт моей жены, не зная, что я уже в разводе и всю нашу с Аллой историю.

А когда она резко, почти вскочив, пробормотала что-то про уборную и буквально вылетела из-за стола, я сам немного сполз по кожаной спинке кресла и наконец-то позволил себе на секунду снять маску. Закрыв глаза. Руки, лежащие на столе, мелко дрожали. Господи, что я наделал? Я притащил сюда загнанную в угол, перепуганную девчонку. Она, наверное, думает, что я сейчас её уволю. Или хуже.

Нужно дать ей выпить вина. Срочно. Алкоголь поможет немного расслабить сведённые от напряжения мышцы и развяжет ей язык. Не о работе, нет. О чём-нибудь другом. О чём угодно. Мне просто физически необходимо было услышать звук её голоса — нормального, без этого испуганного придыхания и дрожи. Мне нужно было увидеть, как расслабится линия её плеч, если она перестанет ждать от меня удара.

Я налил вино в её бокал, стараясь, чтобы рука не дрогнула, и замер в ожидании. Словно от того, сделает ли она глоток, зависела моя собственная жизнь.

— Карина, расскажите немного о себе, — я старался, чтобы мой голос звучал ровно и мягко, но внутри всё сжалось от собственной неуклюжести. — О своей семье. Это поможет вам немного расслабиться, а мне — собрать нужную информацию для вашего будущего резюме в качестве начальника.

Что я несу? Какое резюме? Я мысленно отвесил себе затрещину. Я и так знаю о ней всё. Служба безопасности нарыла всё, а я прочитал её досье до дыр. Я знаю, где она родилась, кто её родители и какую оценку она получила за выпускное сочинение.

— У меня есть сестра, ей тринадцать лет, — она сделала глоток вина, и только её слишком плотно сжатые пальцы на ножке бокала выдавали напряжение. — Родителей давно нет. Опекала нас моя тётя, она и сейчас опекун моей сестры. Как только я официально выйду на работу и получу диплом, то сразу смогу оформить опеку над ней сама. Очень этого жду.

Она замолчала, снова пряча взгляд в бокале.

Про сестру я знаю, но сейчас меня резануло другое. Почему она так стремится забрать сестру? С тётей не очень хорошие отношения? Я знаю, что её отец владел серьёзным бизнесом, потом умер из-за болезни сердца, и всё наследство утонуло в судах. Мать пропала без вести в самый разгар этой грызни. Думаю, что в живых её давно нет. За такие деньги,

за обороты фирмы её мужа, боролся всякий сброд — братки из девяностых, которые сейчас стали «честными бизнесменами» и владельцами торговых центров. Именно они в итоге и забрали бизнес есбе.

— У вас с тётей... натянутые отношения? — осторожно спросил я.

— Да, — она криво, вымученно улыбнулась. — Она своеобразная женщина. В особенности её муж. Сидит дома и не работает. Он намного её младше, и моя тётя просто боготворит его, непонятно за что.

По этой сломанной, неестественной улыбке я всё понял. Отношения в её семье не просто натянутые — там гниль, там настоящий ад. Боготворит... Какое отвратительное, унижительное слово в данном контексте.

— Намного моложе? Это на сколько? — мой голос неуловимо похолодел.

— Тёте сорок три, а ему тридцать два.

— С ним у вас тоже... напряжённые отношения?

— Я его просто ненавижу, — выпалила она. В её голосе звенела такая чистая, концентрированная ярость, что мне стало не по себе.

Мне крайне не понравилась её реакция. Слишком острая. Она — красивая, незащищенная молодая девушка, а он — молодой, холёный альфонс. Он вполне мог приставать к ней. Мог отравлять ей жизнь не только своим присутствием, но и прикосновениями.

Я с силой сжал кулаки под столом, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Мышцы свело от желания подняться прямо сейчас, найти этого ублюдку и придушить. Голыми руками. Спокойно, Марк. Ты в ресторане. На тебя смотрят. Не лезь пока никуда. Всё это может быть просто моей буйной фантазией.

— Карина, — я заставил себя разжать пальцы и положил руки на стол. — Если у вас будут какие-нибудь проблемы... любые проблемы... вы смело обращайтесь ко мне. В любое время. Даже если это совершенно не относится к рабочим моментам.

Я тут же почувствовал, что фраза повисла в воздухе слишком тяжело, слишком лично. Пришлось срочно спасать положение, пока она не решила, что я её клею. Я сам ещё ничего не понял.

— Спокойствие моих сотрудников — важная часть хорошей работы, — немного помолчав, добавил я, возвращая голосу привычные деловые интонации.

— Хорошо, спасибо, — она наконец-то посмотрела мне прямо в глаза, и на секунду мне показалось, что в изумрудной зелени мелькнуло что-то похожее на благодарность. — Но я со всем справляюсь.

Мне нужно срочно придумать, зачем я вообще её позвал. Как назло, в голове — абсолютная пустота, звенящая тишина. Спрашивать по сто раз одно и то же про отчёты — не вариант, это будет выглядеть жалко и неубедительно.

И тут в голову пришла мысль, которая в тот момент показалась мне просто гениальной.

— Карина, — я чуть подался вперёд, ловя её взгляд. — На самом деле... всё это была проверка.

Я сделал небольшую паузу, давая ей осознать сказанное. Она смотрела на меня широко распахнутыми, изумрудными глазами, в которых смешались испуг и полное непонимание.

— Проверка на стрессоустойчивость, — уверенно продолжил я, чувствуя, как ложь сама собой складывается в почти правдоподобную картину. — Оказаться в таком положении: наедине с начальником, в дорогом ресторане... и не запаниковать. Не сломаться. Я поздравляю вас. Вы идеально со всем справились.

Это, конечно, абсолютный бред. Самая нелепая отмазка, которую только можно придумать. Но глядя на то, как она медленно выдыхает, как с её лица сходит густая краска, а напряжённые плечи опускаются на пару сантиметров, я понимаю — это работает. Это правдоподобный бред. Проверка сотрудника на стрессоустойчивость — классика корпоративного жанра. Она должна в это поверить. И она, кажется, поверила. На её лице проступило явное облегчение, смешанное с гордостью. Она выпрямила спину, принимая похвалу. Гениально. Я только что купил её доверие ценой одной лживой фразы.

— Надеюсь, я не перегнул палку? — мне жизненно необходим её честный ответ. Я должен знать, насколько нелепо

выглядел.

— Думаю, что нет, — она тихо рассмеялась, и этот звук показался мне самой прекрасной музыкой.

Готово. Она расслабилась. Пальцы перестали мять салфетку. Это именно то, что мне нужно. Проблема в том, что я сейчас сам не знаю, что делать дальше. Она очень сильно нравится мне. Настолько, что я, кажется, становлюсь одержим ею. Мне совершенно не понятно её отношение. Я не хочу выглядеть полным идиотом, если она мне в чём-то откажет или отвергнет мои ухаживания. Нужно действовать предельно осторожно и медленно. Я должен полностью убедиться в том, что смогу понравиться ей именно как мужчина, а не как спаситель или босс.

Мы продолжили ужин под непринуждённый разговор, перескакивая с темы на тему. Так я узнавал её и понемногу открывал ей частичку себя. Хочу, чтобы она не боялась меня, чтобы видела во мне обычного мужчину, а не властного босса.

— Я отвезу вас домой, — мягко, но твёрдо сказал я, когда официант принёс счёт. — Без возражений! — добавил я. Я знаю, что она попытается уехать сама на метро. Я хочу ещё немного времени провести с ней.

В этот раз мы ехали не молча и без напряжения. Я довёз её до дома и проводил прямо до дверей лифта, чувствуя, как не хочется отпускать её.

Всю дорогу домой я принюхивался к запаху, витающему в

салоне машины. К её запаху — сладкому, фруктовому. Мне было безумно хорошо и одновременно безумно мало её общества. Она должна быть со мной, она должна быть моей. Она манит меня, притягивает как магнит...

Дома я всё хорошо обдумал и решил взять паузу в несколько дней. Вообще не трогать её, чтобы она не была напугана моим навязчивым вниманием.

В квартире стало совсем тихо после того, как Алла съехала. Непривычно, но теперь всё на своих местах. Алла под присмотром Жени, а я могу спокойно строить свою жизнь.

А вот и она — звонит мне.

— Марк, приветик! — радостно поздоровалась Алла.

— Привет. Как у тебя дела?

— О, Марк! У меня такая новость. Я беременна! — взвизгнула она мне в ухо так, что динамик телефона зашипел.

— Поздравляю, — сказал я, как только она перестала радостно верещать.

— Я так давно этого хотела! Мне ведь уже тридцать, давно пора становиться мамой! Очень хочу девочку, доченьку, малышку... — не переставала радостно щебетать она.

— Уверен, что у тебя и эта мечта исполнится, — рассмеялся я.

— Я хочу завтра зайти к тебе на работу, можно?

— Что за вопросы? Ты можешь заходить когда захочешь, не спрашивай больше такой ерунды.

— Я ещё не сказала об этом Женьке, хочу сделать сюрприз, а мне просто крайне необходимо мнение мужчины, как лучше всё это сообщить. Ты же поможешь мне в этом?

— Я в этом вообще не спец, но помогу чем смогу, — пообещал я своей бывшей жене. Она пообещала заехать ко мне завтра утром.

Как и ожидалось, Алла появилась почти одновременно со мной. Я давно не видел её такой счастливой. Она буквально излучала какое-то тёплое, золотистое сияние. Мне понравилось то, как она преобразилась. Алла всегда была добродушной и простой женщиной, а сейчас она была похожа на яркий солнечный лучик.

Мы с ней прошли в мой кабинет.

— Ох, у меня начался токсикоз, и именно так я поняла, что беременна. И вот сейчас меня сильно тошнит, если я убегу, ничего не сказав, не переживай, — с улыбкой сказала она.

Спустя не более десяти минут её щебетания она и правда сорвалась с места и помчалась в туалет. Далеко бежать не пришлось — всё находится в моём кабинете: и душ, и уборная. Очень удобно освежиться перед важной встречей, не заезжая домой.

— Всё нормально? — спросил я её через закрытую дверь.

— Да. Всё нормально. Дай мне десять минут, всё сейчас пройдёт, и продолжим, — глухо ответила Алла.

— Марк Алексеевич, к вам Ольга из маркетингового отдела, — раздался сухой голос Веры из селектора. Ольгу она

очень не любила.

— Пусть заходит. — интересно, что ей надо?

Дверь открылась, и вошла Ольга. Она шла ко мне, отчаянно виляя бёдрами. Она выглядела смешно, когда пыталась строить из себя роковую женщину. С её внешностью это смотрелось нелепо. В ней не было ничего утончённого: угловатая фигура с полностью отсутствующей талией, слишком худые ноги и совершенно плоская задница. Не то что Карина. В Карине было всё, что может привлекать мужчину. Утончённая и нежная, стройная и безумно красивая девушка. Опять я вернулся к Карине. Пора прекращать.

— Добрый день, Марк Алексеевич, — томным голосом поздоровалась Ольга. Как ей кажется — томным, но на мой слух это звучит просто смешно и наигранно.

— Добрый день, Ольга. Садитесь. Я вас слушаю, — указав ей на кресло для посетителей, я тоже сел на своё место.

— Я хочу пожаловаться на практикантку, — начала она, закидывая ногу на ногу. — У нас давно сложился хороший коллектив, но с появлением этой особы всё сильно изменилось. Она вносит смуту и мешает нормально работать.

Очень интересно.

— И в чём же это проявляется? — спокойно спросил я.

— Она совершенно ничего не умеет и постоянно отвлекает всех своими бесконечными расспросами. За всё время своей практики она должна была выучить базу, а она плавает даже в примитивных заданиях. Огрызается, если ей сделать

замечание, и мне постоянно приходится всё за ней переделывать. Из-за этого я многое не успеваю и вынуждена перекладывать на других сотрудников свою работу, а они возмущаются. И я даже не удивилась тому, что кто-то так ей напакостил с чернилами. Достала, — она поджала губы.

Интересно, что она задумала? Судя по тому, как Карина чётко составила отчёт и отвечала на все мои вопросы, Ольга гнусно наговаривает на неё.

— А кто именно провернул всё это с чернилами? — поинтересовался я.

— Да кто угодно, — она пожала плечами. — Я не видела. Но она всем очень не нравится.

Я мрачно кивнул. Возможно, это именно Ольга и провернула всё сама, или же надоумила кого-то из своих прихлебателей. В любом случае, источник проблемы был очевиден.

— Ваши предложения?

— Может быть, её стоит перевести куда-нибудь до окончания практики? На другую должность? В другой отдел?

— Она работает у нас по договору. Любое нарушение договора влечёт за собой последствия, и переводить её я не имею права. Неустойку будете платить вы?

— Я готова даже на это, — она подалась вперёд, пытаясь заглянуть мне в глаза. — Главное — убрать её с моих глаз. Я устала от неё. Я на всё готова, чтобы её больше не видеть. — она снова включила «великую соблазнительницу» и хлопает своими густо накрашенными, приклеенными ресница-

ми. Намекает на секс? «Готова на всё» было сказано именно с этим намёком.

— Я поговорю с ней.

— Разговоры точно не помогут, — с этими словами она подалась ещё ближе, демонстрируя мне глубокое декольте. Когда только она успела расстегнуть лишнюю пуговку?

— Мои помогут. Это всё?

— Нет, я бы хотела... — она не успела договорить, потому что дверь моей душевой открылась и появилась Алла.

— Фух, полегчало! — с сияющей улыбкой сказала Алла.

— Здравствуйте, Ольга.

— Здравствуйте, — по голосу Ольги было понятно, что Алла ей явно помешала меня соблазнять и она точно не ожидала её увидеть. Она была жутко растеряна и испугана.

— У вас пуговичка расстегнулась на блузке, бельё видно, — спокойно заметила Алла. — Решила сказать, чтобы вы избежали позора.

— Спасибо, — снова натянуто улыбнулась Ольга и быстро, дрожащими пальцами, начала застёгиваться. — Я пойду работать, но вы подумайте о том, что я вам сказала про эту практикантку.

Ольга быстро удалилась из моего кабинета.

— Она всегда меня раздражала, — Алла проводила её взглядом. — У тебя с ней что-то было?

— Нет, конечно. У меня ни с кем ничего не было из моих сотрудников.

— Хорошо. Но она тебя клеит.

— А то я не знаю, — рассмеялся я.

Поговорив с Аллой, я пошёл провожать её к выходу. Нашим разговором она осталась довольна. Надеюсь, что я как-то ей помог. Правда, сам не понял чем, но она уверила меня, что именно это я и сделал.

— Алла, зная твою неуклюжесть, ты уж побереги себя, — сказал я ей слова напутствия уже в дверях. — Не забывай, что ты беременна.

Я вернулся в кабинет, закрыл дверь и тяжело выдохнул. День обещал быть долгим.

Карина

Домой я пришла под тяжёлым впечатлением сегодняшнего дня. Взволнованная, взбудораженная и какая-то оглушённо-нервная.

— Каринка! Ты долго сегодня, — вышла меня встречать сестрёнка. — Я убралась и постирала, можешь спокойно отдыхать.

— Спасибо, моя хорошая, ты моя умничка, — я обняла её, вдыхая запах её шампуня. Это всегда успокаивало.

— Ужинать будешь? Я подогрею.

— Нет. Я уже поужинала.

— Ого, а где?

— Идём, я тебе расскажу, — я понизила голос, кивком указывая на свою комнату. Не хочу, чтобы тётя Лена что-то услышала.

Я рассказала своей младшей сестричке всё, что со мной произошло: про ужин, про его взгляд, про то, как он подвёз меня до дома.

— Круто! — восторженно выдохнула Милана, забравшись на кровать с ногами. — А прикинь, он в тебя влюбился? Вот же круто будет!

— Милан, он женат, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно, но внутри всё сжалось.

— Ну и что. Разведётся, а на тебе женится, — она слишком мала, чтобы понять весь масштаб катастрофы. Для неё это пока сказка, как в кино. Она не понимает, что такое семья и как тяжело, когда в отношения лезет третий. Ведь я разрушу чужую жизнь, а я этого не хочу. Не хочу быть разлучницей.

И вообще, с чего я решила, что нравлюсь ему? Он смотрел на меня и изучал, смотрел как-то иначе, не так, как до этого. Может быть, именно поэтому я и решила, что нравлюсь ему? Просто он был внимателен.

Пообсуждав с сестрёнкой всё на свете, мы разошлись по своим комнатам. Я легла в кровать, но сон не шёл. Я погрузилась в мир своих фантазий, где мы с Марком — пара, а его жены там вообще не существует...

На следующее утро я спустилась вниз к кофейному аппарату на первом этаже бизнес-центра и практически столкнулась с ними. Марк и Алла. Муж и жена. Я едва успела отшатнуться и спрятаться за массивный рекламный щит в холле.

Они меня не заметили.

— Алла, зная твою неуклюжесть, ты уж побереги себя, не забывай, что ты беременна, — его голос прозвучал совсем рядом. Такой глубокий, с той самой хрипотцой.

Слова запульсировали у меня в висках. Они ждут ребёнка. Всё.

Я стояла за щитом ещё несколько минут, оглушённая этим осознанием, не в силах сделать вдох. Заставила себя выйти из укрытия только когда слышала звук отъезжающего лифта. Ноги были ватными. Я зашла в туалет, включила ледяную воду и, подержав под ней руки, приложила ледяные ладони к горящим щекам. Ну а что я хотела? На что вообще рассчитывала? Он — взрослый, успешный мужчина. Конечно, у него есть жена. Логично, что у них может появиться малыш. Какая же я наивная дура... Как мне теперь работать с ним? Я так сильно в него влюбилась... Смотреть ему в глаза, зная, что я — никто, а дома его ждёт беременная жена? А мне просто жизненно необходима эта работа. Я не могу её потерять.

Продлав эту процедуру с холодной водой ещё несколько раз, я вроде бы взяла себя в руки. Пульс замедлился. Пора возвращаться.

— Где тебя носит? Марк Алексеевич вызывает тебя к себе, — с ехидной, торжествующей улыбкой встретила меня в коридоре Ольга.

Боже, только не сейчас. Я совершенно не готова с ним

встречаться. Только не сегодня, когда я видела его с женой и знаю, что внутри неё растёт его ребёнок. Это будет пытка.

Собрав себя по кусочкам и глубоко вздохнув, чтобы унять дрожь, я пошла к нему. Постучала и, не дожидаясь ответа, открыла тяжёлую дубовую дверь.

— Доброе утро, Карина, — поздоровался он.

Его голос сегодня звучал иначе. Не властно и требовательно, как обычно, а с какой-то удивительной, бархатной теплотой. Или мне просто это кажется от нервов? Придумываю. Я всё это себе придумываю.

— Доброе утро, Марк Алексеевич.

— Проходите и садитесь.

Я опустилась в кресло напротив его стола и снова его ошеломительный запах — ударил мне в нос, заставляя голову слегка закружиться.

— Сегодня ко мне приходила Ольга, — он откинулся на спинку, внимательно глядя на меня поверх сцепленных пальцев. — У вас с ней всё нормально?

— Да, — я пожала плечами. — Мы с ней вообще не общаемся.

— А с кем-то из коллектива есть разногласия?

— Нет. Я с ними тоже не общаюсь, как и они со мной, — пришлось всё-таки это произнести. Что-то мне подсказывает, что Ольга наговорила про меня всякого, и он сейчас пытается это выяснить.

— Даже так, — задумчиво протянул он, и в его тёмных

глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Она что-то наговорила про меня, так ведь? — не выдержала я.

— Да. Именно так, — он не стал юлить. — Но вам не о чем переживать. Я для себя уже давно всё решил. Вы займёте место Ольги. Я просто хотел вас предупредить, что она что-то затевает против вас. Но и здесь не стоит переживать: что бы она ни сказала, я знаю правду. Я знаю ваши умения и видел ваш отчёт.

— Спасибо... за доверие, — выдохнула я. Камень с плеч упал, но тут же сменился новой волной паники. Я же буду начальницей? Над ними? Они же меня сожрут.

— Не благодарите, — он позволил себе тень улыбки. — Вы это заслужили.

В дверь постучали, и вошла Вера, его секретарь, с серебряным подносом.

— Я попросил Веру принести нам кофе, — сказал Марк, и я с благодарностью посмотрела на него. — Спасибо, Вера, — поблагодарил он секретаря, когда она расставила фарфоровые чашки на столе между нами.

— Спасибо, — чашка с горячим, ароматным кофе — это именно то, что мне сейчас жизненно необходимо. Хоть что-то, чтобы занять свои дрожащие руки.

Он молча пил кофе и рассматривал меня. Не украдкой, а прямо, открыто, не стесняясь. Изучал моё лицо, и от этого

взгляда по коже бежали мурашки. Но самое странное — я совершенно не чувствовала дискомфорта. Мне не хотелось спрятаться, съёжиться или провалиться сквозь землю под этим тяжёлым взглядом. Наоборот. Было чувство абсолютной, пугающей правильности происходящего. Словно так и должно быть.

В кабинете повисла густая, звенящая тишина. Марк всё ещё смотрел на меня своим прямым, изучающим взглядом, от которого кожа покрывалась мурашками. Я заставила себя сделать глоток кофе, чтобы хоть чем-то занять дрожащие руки, но горячий напиток обжёг горло, и я закашлялась.

— Тише, — он вдруг оказался рядом.

Я даже не заметила, как он встал из-за стола и обошёл его. Это произошло за одно мгновение. Вот он сидит, вальяжно откинувшись в кресле, а вот — уже стоит вплотную, нависая надо мной тёмной, подавляющей массой.

Он мягко, но уверенно забрал у меня из рук горячую чашку и поставил её на край стола. Фарфор глухо звякнул.

— Ты всё время дрожишь, — его голос прозвучал совсем низко, с лёгкой, бархатной хрипотцой. Он стоял так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его тела.

— Я не... — начала я, пытаюсь отодвинуться вместе с креслом, но он не дал.

— Не бойся меня, Карина, — прошептал он, и его ладони опустились на подлокотники моего кресла, по обе стороны от моих бёдер. Он запер меня в ловушке. — Я не кусаюсь.

По крайней мере, не больно.

Его лицо оказалось прямо напротив моего. Я видела каждую ресничку, тёмную тень от щетины на волевом подбородке, чуть прищуренные глаза, в которых плескалось что-то тёмное, опасное и невероятно притягательное. Воздух между нами накалился до предела, стало трудно дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.